

«Он хотел писать для народа»
(А.Н. Пыпин о реформаторской деятельности В. Караджича)

Abstract:

Aksenova E.P. *«He wanted to write for the people» (Aleksandr Pypin about the reformatory activities of Vuk Karadžić).*

The article covers the views of Aleksandr Pypin on the reformatory activities of Vuk Karadžić in the framework of the Serbian national movement and against the background of the Slavic revival in general.

Ключевые слова: славянское возрождение, сербское возрождение, В.С. Караджич, реформа литературного языка, сербские народные песни, А.Н. Пыпин.

Выдающийся русский ученый второй половины XIX в., оставивший огромное научное наследие в области истории литературы, истории общественной мысли и общественного движения, истории этнографии, славяноведения, Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) значительную часть своих трудов посвятил такому грандиозному историческому явлению, как национальное возрождение славянских народов¹. Возрождение и становление славянских наций проходило поэтапно: оно началось с подъема национального самосознания, развития национального языка, литературы, народного просвещения, что со временем привело к упрочению национальных связей и консолидации нации. Пыпин, сам будучи современником процесса пробуждения славянских народов, собрал немало сведений и материалов, имевших отношение к эпохе славянского возрождения в целом и каждого народа в отдельности, что дало ему возможность выявить как общие, так и частные черты этого многогранного явления. Ученый не обошел вниманием причины, условия, факторы, идеологию и многие другие вопросы, объясняющие суть славянского движения. Особый интерес Пыпина вызывали подъем культуры и развитие науки славянских народов и деятельность наиболее ярких представителей возрожденческого движения. К таковым, безусловно, относится Вук Стефанович Караджич (1787–1864), видный деятель сербского национального возрождения, филолог, историк, фольклорист, реформатор сербского литературного языка. Он был известен в русских научных кругах; в 1851 г. Академия наук в Петербурге приняла его в свои члены.

А.Н. Пыпин впервые узнал о В. Караджиче будучи студентом-первокурсником Казанского университета и слушая лекции одного из первых русских профессоров-славистов В. И. Григоровича². В основном из личной библиотеки профессора старший товарищ Пыпина, П. А. Ровинский³

брал книги, и таким образом Пыпин познакомился «до известной степени с некоторыми главнейшими произведениями славянской литературы и учености». Первой из них он называет книгу Караджича, в которой были собраны сербские народные песни⁴. В дальнейшем Пыпин продолжил образование в Петербургском университете, где слушал лекции еще одного профессора из когорты первых славистов, И.И. Срезневского⁵, который рассказывал студентам о своих путешествиях по славянским землям и близком знакомстве со всеми основными деятелями возрождения. Несмотря на нехватку славянских книг, уже в студенческие годы Пыпин хорошо знал имена и научные заслуги Й. Добровского, П. Шафарика, Е. Копитара, Я. Коллара, В. Мацеёвского и В. Караджича⁶.

Во время заграничной командировки (1858–1860), посетив некоторые славянские земли и познакомившись с деятелями науки и культуры, Пыпин более пристально стал изучать процессы национального славянского возрождения. Сводную картину этого явления он представил в «Обзоре истории славянских литератур» (СПб, 1865) и более основательно – в двухтомной «Истории славянских литератур»⁷ (в обеих книгах польская часть принадлежит перу В.Д. Спасовича), а также в работе «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878), изданной в виде книги уже после смерти автора (в 1913 г.). Рассматривая сербское национальное возрождение, Пыпин напоминал, что «сербское племя» жило не только на территории Османской империи, но и в адриатическом Приморье, и в австрийских землях⁸. Активное возрождение у турецких сербов связано, по его мнению, с результатами Первого и Второго сербских восстаний, когда произошло «политическое освобождение Сербии (хотя и неполное)». Образование Сербского княжества (1830) укрепило национальное движение «сознанием выдержанной борьбы»⁹. Пыпин отмечал, что у сербов вера, язык и предание составляли наследие старины, с помощью которого народ надеялся возвратить свободу¹⁰. В то же время у сербов Австрийской империи, замечал Пыпин, национальный патриотизм не меньше – они занимались просветительской деятельностью, организовывая школы, типографию. Начался переход «от старой церковной книжности к новому образованию». «Славено-сербский» язык, использовавшийся в переходный период в качестве литературного языка, представлял смесь церковно-славянского с сербским, «был не совсем понятен» и должен был уступить место народному языку, на котором стала развиваться новая сербская литература. Первым представителем этой литературы Пыпин называл Досифея Обрадовича¹¹, отмечая вместе с тем, что он не произвел еще реформы языка и литературы¹².

Последователем Обрадовича стал, по оценке Пыпина, «деятель первостепенного достоинства» Вук Стефанович Караджич. Он, как и подобные ему другие славянские деятели, выйдя из народной среды, явились «выразителями национально-образовательных стремлений и оказывали великие ус-

луги народу и литературе»¹³. Караджич стоял «на уровне своего времени», высоко ценил просвещение и науку¹⁴. Пыпин дал развернутую характеристику его деятельности и вклада в сербскую и общеславянскую культуру, которая является отражением национального самосознания и освободительной борьбы славянских народов.

Немалую заслугу Караджича Пыпин видел в раскрытии богатства сербской народной поэзии. Как отмечал Пыпин, Караджич, оказавшись в Вене, познакомился с Е. Копитаром, который убедил его заняться собиранием народных песен и изучением сербского языка¹⁵. Вскоре, в 1814 г. появилась первая книжка «Песнарицы», за которой последовало еще несколько выпусков. Характеризуя издание в целом, Пыпин подчеркивал, что это «образчик народного эпоса, живого и самобытного». Собранные и изданные Караджичем песни, по словам русского ученого, «явились как живое олицетворение народности» и имели отголосок не только в сербской, но и всеславянской и даже общеевропейской среде (с 1820-х годов в европейской литературе появилось немало переводов сербских песен). Для славянского возрождения открытый Караджичем сербский эпос был своего рода «новым «историческим правом»»¹⁶.

В том же, 1814 г. в Вене была издана грамматика Караджича – «Писменица србскога језика по говору простога народа». По мнению Пыпина, «Песнарица» и «Писменица» положили начало изучению языка и народной поэзии и составили «эпоху в славянской литературе»¹⁷. Ученый отмечал также, что в результате своих путешествий по югославянским землям Караджич собрал немало материала, который дал ему возможность подготовить и издать в 1818 г. словарь сербского языка – «Српски рјечник» с латинским и немецким переводом слов и этнографическими объяснениями (более обширное издание которого вышло в Вене в 1852 г.)¹⁸. Множество собранных этнографических сведений нашли отражение и в дальнейших трудах сербского ученого, который, по оценке Пыпина, имел «обширное и многостороннее знание своего народа». С 1826 по 1834 гг. Караджич издал несколько выпусков альманаха «Даница» «с любопытными собственными статьями по сербской истории и языку». Эти труды, считал Пыпин, были важны для изучения Сербии и всего славянства¹⁹.

Основную заслугу Караджича Пыпин видел в реформировании литературного языка. Решая эту задачу, Караджич разработал новое сербское правописание и в основу литературного языка положил язык народа. Он был защитником чистого народного языка и считал, что только на нем литература может «получить живое народное значение». Предложенное Караджичем правописание основано на фонетическом принципе (пишется, как слышится)²⁰. Но это нововведение, замечал Пыпин, встретило яростное сопротивление его «непримиримых врагов» из «славено-сербской школы»²¹, или «славено-сербской партии» («нечто вроде нашего Шишкова и его последовате-

лей»²²). Представители этого консервативного направления называли народный язык «языком свиных пастухов» и обвиняли Караджича «в неуважении к книжным преданиям старины». Под их давлением его книги и разработанное им правописание были признаны «вредной ересью» и запрещены в княжестве Сербия (это запрещение было снято лишь в 1860-х годах – «его языку и правописанию дана, наконец, полная свобода») ²³. Что же вменялось в вину Караджичу? В его трудах, объясняет Пыпин, находили «признаки наклонности к латинству» (например, введение буквы *j*), в его деятельности «видели политическую и религиозную (австрийско-католическую) тенденцию»²⁴. Критика в адрес сербского реформатора раздавалась не только со стороны сербских общественно-политических и научных кругов, но и из-за границы, а именно из России – поддержку «славено-сербской партии», как отмечал Пыпин, оказали русские славянофилы (и прежде всего А.Ф. Гильфердинг²⁵), осудившие Караджича за то, что, как им представлялось, он, действуя в интересах Австрии («орудием» которой считали Е. Копитара, имевшего большое влияние на Караджича, жившего и работавшего в основном в Вене), хотел «разорвать церковно-книжное предание, связывавшее сербов с Россиею», что «направление Вука отдаляло сербскую образованность от русских влияний»²⁶. В то же время, существовала и иная точка зрения: так, например, И.И. Срезневский, по словам Пыпина, высоко ценил «Вуково правописание», считая его «образцовым в литературе славянской»²⁷. Пыпин также напоминал, что еще в 1819 г. Караджич приезжал в Россию, где был избран членом Общества любителей российской словесности²⁸. Эту поездку он предпринял, как следует из других источников, как раз для того, чтобы заручиться поддержкой представителей русской науки, а также в надежде получить материальную помощь²⁹.

Не только при жизни Караджича, но и спустя многие годы после его смерти отношение к нему и его деятельности было по-прежнему неоднозначным в российских научных кругах. Если Пыпин старался объективно оценить усилия Караджича в процессе становления сербской нации, то, например, П.А. Кулаковский³⁰ продолжал линию славянофилов. В рецензии³¹ на книгу Кулаковского «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (М., 1882) Пыпин отмечал, что автор книги, профессор русского языка и литературы в Великой школе в Белграде, защитивший магистерскую диссертацию на ту же тему в Московском университете, обратил внимание на современные проблемы славянства, подробно рассмотрел деятельность Караджича, признавая его заслуги и «законность» реформы. Вместе с тем, Кулаковский критиковал реформу Караджича за разрыв «связи сербской и русской литератур», что лишало их общей церковнославянской основы. Пыпин не соглашался с мнением автора, поясняя, что русская литература начала XIX в. «не в состоянии была доставить тех образовательных и научных сведений, какие были сербам нужны», поскольку внутреннее

положение России не позволяло «ожидать какой-либо свободной науки, свободной художественной литературы, свободного общественного сознания...»³². В реформаторской деятельности Караджича Пыпин усматривал прежде всего «стремление сербов выразить свою национальность, свободно и независимо от каких-либо чужих влияний и притязаний». Что же касается связи сербской литературы с русской церковно-схоластической традицией, то, как считал Пыпин, она была не особенно «крепкой», и их разрыв, так или иначе, был неизбежен, поскольку и русская литература не стояла на месте, а развивалась и «сближалась с интересами и языком жизни»³³.

А.Н. Пыпин не углублялся в подробный лингвистический анализ сербского литературного языка и правописания Караджича (как это сделал позже И.В. Ягич³⁴). Высоко оценивая в целом реформаторские устремления Караджича, Пыпин вместе с тем отмечал и некоторые общие недостатки в системе литературного языка, предложенной сербским ученым. Он писал, что Караджич увлекся желанием «сделать письмо точнейшим отражением говора». «Вопрос правописания, – подчеркивал Пыпин, – не решается одним этим условием», необходимо учитывать «исторические корни» языка и его связь с другими языками. Если бы в новой системе правописания нашли отражение эти факторы, то тогда не возникло бы отрыва «новой книги от старой и от книги церковной», а также сербской книги от русской. Несмотря на некоторые недочеты, Пыпин считал, что в целом система Караджича, как и вся его деятельность, объясняется «общим историческим стремлением», характерным для славянского движения – стремлением «к обособлению, к резкому заявлению своей индивидуальности». Через этот путь необходимо было пройти, поэтому реформа Караджича имела, по оценке Пыпина, важное значение для сербского национального развития и сплочения нации³⁵.

Однако противники Караджича, отмечал Пыпин, не хотели понять, что реформа литературного языка представляет собой только одно из явлений происходившего тогда в славянском мире процесса национального возрождения. «Вся сущность славянского движения, – писал Пыпин, – заключалась в поднятии национального чувства, в пробуждении бессознательного дотоле общества и народа, следовательно, в распространении книжности, образования; она состояла далее в том, чтобы внушить уважение к народным силам, к живому обычаю, чтобы не смотреть свысока на народ, а служить его благу и интересам». Отсюда деятелями возрождения делался вывод, что «книга, обращенная к этому народу, должна говорить его языком», и к этому выводу привели не «демократический каприз», не «политическая интрига», а насущная необходимость, «потому что народ не понимал бы иного языка»³⁶. Сторонники славянского единства упрекали Караджича в том, что он «делит славянство, вместо того, чтобы соединять его». Пыпин усматривал в этом непонимание или превратное толкование фактов: реформа, объяснял он, подразумевала, что «прежде каких-либо общеславянских

комбинаций, сербы в своей литературе должны выразить свою национальность, свои народные особенности»³⁷. В те годы, когда Караджич начинал свою реформаторскую деятельность, напоминал Пыпин, еще не получил развитие «панславизм» в качестве теории объединения славян, но если бы он уже существовал, то проведенная сербским ученым реформа была бы «косвенным протестом» против панславизма³⁸. В деятельности сербского реформатора Пыпин видел исторически необходимую ступень национального возрождения, «явление всеобщее», характерное для всех славянских народов³⁹. Таким образом, Пыпин включил деятельность Караджича в общеславянский контекст.

Деятельность В. Караджича, направленную на культурный и общественный подъем сербского народа, А.Н. Пыпин рассматривал не в узко специальном плане, не в ракурсе той или иной научной дисциплины, а прежде всего сквозь призму общественно-исторических взглядов, которых он придерживался и выразителем которых являлся. Ученый оценивал все сделанное Караджичем с точки зрения его влияния на подъем национального самосознания и процесс национального возрождения сербского народа, одновременно подчеркивая схожесть возрожденческих явлений у разных славянских народов. Научные труды Караджича, по утверждению Пыпина, составили «эпоху в славянской литературе», русский ученый называл их «энциклопедией» этнографических сведений о сербском народе, а их автора – одним из первых в европейской науке, кто требовал внимательного исследования народности, уважения «к народной жизни, ее содержанию и обычаю»⁴⁰. Реформа Караджича отвечала насущной потребности новой литературы. Его труды явились как «выражением», так и «фактором» сербского национального возрождения⁴¹. Пыпин раскрыл прогрессивность и демократизм реформы Караджича⁴². Работы Пыпина, безусловно, способствовали научному изучению славянства и знакомству русского общества со славянскими народами и их выдающимися деятелями, внесшими свой немалый вклад в развитие культуры и науки, среди которых видное место занимает Вук Стефанович Караджич.

Примечания

¹ Подробнее см.: Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

² Григорович Виктор Иванович (1815–1876), филолог, историк, один из основоположников славяноведения в России. Занимал кафедру истории и литературы славянских наречий в Казанском университете (1838–1864, за исключением 1849 г., когда читал лекции в Московском университете), с 1865 – профессор кафедры славяноведения Новороссийского (Одесского) университета. В 1844–1847 гг. совершил путешествие с научными целями по славянским землям.

³ Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916), историк, этнограф, филолог, славист, географ, публицист. Преподаватель Казанского университета (1853–1856), заграничный корреспондент русских периодических изданий в славянских землях, печатался в «Современнике», «Очерках» и др. Член тайного общества «Земля и воля» (1862–1863). Путешествовал по славянским землям. С 1879 г. в течение 27 лет жил и работал в Черногории, создал монументальный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб, 1888–1915. Т. 1–3).

⁴ Пыпин имеет в виду: Мала простонародња славено-србска песнарница. Вена, 1814–1815. Ч. 1–2. В дальнейшем это издание разрослось до шести томов. См.: *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Сара-тов, 1996. С. 86.

⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), один из первых российских славяноведов, славист широкого профиля, крупный специалист в области славянской истории и филологии. Посетил славянские земли с целью подготовки к профессорскому званию (1839–1842). Профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Харьковского (1842–1846) и Петербургского (1847–1880) университетов. Редактировал издание Академии наук «Известия ОРЯС» (1852–1863).

⁶ *Пыпин А.Н.* Мои заметки. С. 113.

⁷ *Пыпин А.Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб, 1879–1881. Т. 1–2.

⁸ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб, 1913. С. 21–22.

⁹ Там же. С. 22; *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб, 1879. Т. 1. С. 201.

¹⁰ *Пыпин А. Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 702.

¹¹ Обрадович Досифей (1742–1811), сербский просветитель, писатель, начавший писать народным языком. Личный секретарь и советник руководителя Первого сербского восстания Карагеоргия. Первый министр просвещения Сербии.

¹² *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 201–205, 211.

¹³ Там же. С. 213.

¹⁴ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 23.

¹⁵ *Пыпин А.Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 213–214.

¹⁶ Там же. С. 214, 218; *А.В. [Пыпин А.Н.]* Литературное обозрение // Вестник Европы. 1879. № 7. С. 372; *Пыпин А.Н.* Первые слухи о сербской народной поэзии // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 739.

¹⁷ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214.

¹⁸ Там же. Разница в написании слов *језика* в «Писменице» и *рјечник* в словаре объясняется проведением реформы (об этом подробнее см.: *Ягич И. В.* История славянской филологии. Репринтное издание. М., 2003. С. 373, 379).

¹⁹ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 214–215.

²⁰ Там же. С. 204, 216.

²¹ Сравнивая языковую ситуацию в Галиции, которая напоминала языковую ситуацию у сербов, Пыпин выявил аналогичные явления: «Мнимая общерусская школа у галичан была похожа на ту “славено-сербскую” школу, которая, не умея еще открыть настоящей литературной формы, стала писать смесью церковного, известного из книг, и народного языка и впоследствии с ожесточением напала на Вука (Караджича. – Е. А.), который хотел писать для народа и взял для того его собственный язык» (*Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 420).

²² *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24. Шишков Александр Семенович (1754–1841), адмирал, государственный деятель, министр народного просвещения (1824–1826), президент Российской академии (1813–1841); в общественно-литературной жизни занимал консервативную позицию. Разрабатывал план создания при Российской академии Славянской библиотеки с приглашением для работы в ней славянских ученых; со многими из них вел переписку, в том числе с В. Караджичем.

²³ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 216–217.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872), историк, этнограф, лингвист, славист, публицист и общественный деятель. Придерживался славянофильских взглядов. Магистр славянской филологии (1853, дис. «Об отношении языка славянского к языкам родственному»). Русский консул в Боснии (1856–1859), служил в Азиатском департаменте МИД и государственной канцелярии, в Комитете по делам Царства Польского (с 1863), председатель петербургского отделения Славянского комитета (с 1867) и председатель этнографического отдела Русского географического общества (с 1870).

²⁶ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 25, 27.

²⁷ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 218.

²⁸ Пытин А.Н. Первые слухи о сербской народной поэзии. С. 737.

²⁹ Об этом подробнее см.: Ягич И.В. История славянской филологии. С. 381–383.

³⁰ Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913), историк-славист, филолог, публицист, общественный деятель, профессор Великой школы в Белграде (1878–1882), преподаватель русского языка (1884–1891), профессор славянских наречий (1892–1902) в Варшавском университете. Доктор славянской словесности (1893, докт. дис. «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения»). Товарищ председателя Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (с 1908).

³¹ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 861–865.

³² Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 27.

³³ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич. С. 864.

³⁴ См.: Ягич И.В. История славянской филологии. Гл. XV. С. 366–407. Ягич (Jagić) Игнатий Викентьевич (Ватрослав) (1838–1923), хорват по происхождению, лингвист, историк, палеограф, археолог, этнограф и фольклорист. Окончил Венский университет, член Югославянской академии наук и искусств (1866), член-корреспондент Петербургской АН (1868). Преподавал в Одесском (1872–1874), Берлинском (1874–1880) университетах, редактировал (с 1874) в течение 40 лет журнал «Архив славянской филологии» («Archiv für slavische Philologie»). Работал в Петербургском университете и Академии наук (1880–1886), с 1886 г. занимал кафедру славяноведения Венского университета. Один из организаторов международного проекта «Энциклопедия славянской филологии».

³⁵ Пытин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 218–219; Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 24–26.

³⁶ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 25.

³⁷ Там же. С. 25, 27.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ См.: Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 89.

⁴⁰ Пытин А.Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 214.

⁴¹ [Пытин А.Н.] [Рец. на кн.:] Кулаковский П.А. Вук Караджич. С. 861, 864.

⁴² Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979. С. 143.